

всего яснее раскрывается в нас самих, в собственной нашей душе. В связи с этим Страхов, по мнению Н.Я. Грота, приходит к «рациональному мистицизму». Такой сверх-рационализм Страхова обособляет его от Гегеля и других западноевропейских философов. Он надеялся, что люди, осознавая свое духовное величие, гармонию с природой, будут стараться постигать новые смыслы своего культурно-исторического существования через постоянную работу духа.

Страхов разработал рациональную антропологию, учение о месте человека в природе. Путь самопознания требует, по его мнению, особого рода мышления, особого типа рациональности, который неизвестен науке, достигающей своих целей с помощью исследования «объективности» всех явлений. Можно вполне определенно сказать, что Страхов придерживался созерцательного рационализма, являющегося переходом от религии к естествознанию. Но это именно созерцание, а не активный рационализм, присущий западноевропейской культуре, который ищет разума в природе и устанавливает его в обществе. Для Страхова характерна мудрость созерцания, «вчувствование» в философские и художественные произведения и эстетизм высшего порядка. Рациональный ответ на вопросы об окружающем мире сочетался у него с иррациональным отношением к душе человека, к самому человеку как загадке философии, что позже получило развитие в экзистенциализме.

В работах Страхова можно найти диалог науки с мистикой, что проявилось, в частности, в его споре со спиритизмом, а также при рассмотрении религиозных проблем. Во имя науки и разума он выступал против неумеренного спиритуализма и спиритизма, которым увлекалась русская интеллигенция во 2-й половине XIX века. Его философия называлась иногда разграничительной разделительной. И он, действительно, не допускал смешения научных и религиозных проблем, отдавая богу богово, а кесарю кесарево.

Подводя итоги рассмотрению рационализма Страхова, хочется сказать, что его идеи созвучны нашему времени в плане экологическом и космическом. Задумаемся над его высказываниями о разуме и его возможностях и будем адекватно решать проблемы, стоящие сегодня перед Россией и всем человечеством.

Литература

1. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – СПб., 1887. – Кн. 1.
2. Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. – СПб., 1892.

Поддубный Н.В.
(БелГУ, Белгород)

Системные основания рационализма

Проблема рациональности по многим причинам сейчас является одной из центральных в современной философии. Многовековое доминирование

идеи рациональности в культуре было подорвано, начиная с XIX века, не только философскими исследованиями А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера и др., но и развитием квантовой физики и открытием, в частности, В. Гейзенбергом закона неопределенности. Сейчас уже никто не сомневается в конструктивной роли случая и иррационального в научном исследовании и показана ограниченность только рационального способа познания. Неопределенность коренится в основных условиях бытия и в этом смысле она неустранима.

С появлением в самосознании науки темы принципиальной неопределенности бытия стала актуальной в философии науки и проблема соотношения рационального и иррационального в познании, которая является сейчас одним из главных предметов философских дискуссий. Здесь не место анализировать эту проблему подробно и мы вынуждены уделить ей внимание в связи с тем, что некоторые исследователи, отдавая приоритет в познании иррациональному и случайному, отвергают всякую методологию. Это можно наблюдать как среди зарубежных, так и отечественных исследователей. На наш взгляд, те, кто занижают роль рациональности в познании, попадают в логический парадокс, так как они логическими средствами, т.е. рационально, пытаются доказать преимущества иррационального и случайного. Рационально доказать то, что принципиально нерационально, нельзя. В.Б. Губин, комментируя эпистемологический анархизм П. Фейерабенда, справедливо замечает, что эта рекомендация звучит по-детски, так как является, по сути, наукообразным отрицанием науки вообще. Научно обосновать полную несостоятельность науки невозможно, поскольку это есть откровенное, недопустимое противоречие [1, С.171]. Нельзя забывать также и о том, что именно рациональная методология, господствующая несколько столетий, пришла к осознанию собственной ограниченности и поняла необходимость введения в научное познание иррационального компонента и признания за случаем онтологического статуса. Мы не можем нерационально рассуждать, мы можем рационально признавать роль случайности и иррациональных компонентов в познании. Мы не можем также рационально планировать иррациональный компонент в познании, исходя из знания о его существовании, ибо такова природа человеческого мышления. Поэтому проблема иррационального решается рациональными методами.

В основе рациональности лежит фундаментальная потребность всего живого в понижении хаоса, т.е. в упорядоченности. Современные психологические исследования, проведенные в рамках различных школ, убедительно показали, что у человека есть потребность в создании взаимосвязанной и непротиворечивой картины внешнего мира, делающей этот мир понятным и объяснимым, чтобы чувствовать себя безопасно и комфортно. Интересные в этой связи результаты были получены в исследовании А.И. Донцова и О.Е. Баксанского [2, С.75-90]. Сравнив архаические и современные научные схемы понимания и объяснения физической реальности, они выделили несколько схем, имплицитно содержащихся как в древних мифических, так и в современных научных представлениях и было показано, что уже мышление первобытного человека изначально телеономично.

Г.Д. Левин, сопоставляя религиозное и научное мировоззрение, также пришел к выводу, что общим для них является наличие конечной целевой причины – идеал вечной блаженной жизни. Этот идеал является основным критерием рациональности всех дел не только верующего, но и материалиста, а также критерием прогресса [3, С.114-133].

Можно сослаться и на теоретические исследования А.Ф. Лосева о природе человеческого мышления. Он пишет, что основным принципом мышления является принцип всеобщей связи, непрерывно, но скачкообразно становящегося целого [4, С.144]. Важно подчеркнуть такую черту человеческого мышления, как его непрерывность, континуальность, на которую мало обращают внимания, что может приводить к метафизике. Мышление, полагая нечто и устанавливая те или иные связи, в то же время заполняет все интервалы своих полаганий абсолютно непрерывным полем мышления, т.е. порождает непрерывный фон, на котором и вырисовывается «нечто». Поэтому мышление, как отражение бытия, есть прежде всего сплошное, непрерывное становление. «Итак, – пишет А.Ф. Лосев, – вот основной закон мышления, самый глубокий и первичный его закон: «Мышление есть абсолютный континуум полаганий чего-либо в его определенности» [4, С.147]. Поэтому критерием рациональности знания является его целостность.

Из всего сказанного можно сделать несколько методологических выводов.

1. Диалектика, формальная логика и рациональность имеют единую природу, заключающуюся в природе самого мышления. Отсюда их необходимость и универсальность.

2. Изменение типа рациональности в современном познании не меняет ее сущности, а лишь отражает различную глубину рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

3. Изменение роли рациональности в современном познании и увеличение значимости иррационального и случайного, т.е. усиление релятивизма, а также сдвиг рациональности с «закрытой» на «открытую» не только не противоречит диалектике, но и вполне соответствует диалектическому развитию науки. На наш взгляд, в проблеме рациональности познания главный вопрос не в том, правильно ли мыслили философы и ученые на протяжении многих столетий, как его ставят сторонники крайнего релятивизма, а в том, почему познавательные стратегии были такими, а не другими и в чем их сходство со стратегией постмодернизма.

4. Современное представление науки о природе и вещах как о сложной совокупности состояний, функций, трансформаций говорит о том, что естествознание в своем развитии поднялось до уровня диалектики.

Следовательно, гносеологическая проблема научного познания на современном этапе состоит в том, чтобы учитывать связь рационального и иррационального, которые в своей взаимозависимости и противоборстве не только исключают, но и самым необходимым образом дополняют друг друга.

Литература

1. Губин В.Б. О роли деятельности в формировании моделей реальности // Вопросы философии. – 1997. – № 8.
2. Донцов А.И., Баксанский О.Е. Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. – 1998. – № 11.
3. Левин Г. Д. Causa finalis как критерий рациональности // Исторические типы рациональности. – М., 1997. – Т.1.
4. Лосев А.Ф. Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления // Вопросы философии. – 1998. – № 8.

Некрасов С.И.
Некрасова Н.А.
(БелГУ, Белгород)

Рациональность и духовность в свете коэволюции

Способность человека получать и обрабатывать информацию, наделяя её общезначимыми смыслом и ценностью в процессе коммуникации, автор связывает с понятием «рациональность». Рациональность сегодня уже нельзя трактовать только как соответствие заданным нормам и критериям или как способ освоения мира. Понятие «рациональности» тесно связано с понятием «разума». Рациональность начинается там, где появляется разум. Но с большим основанием её можно представлять как качественную характеристику человека в его коммуникативной деятельности. Человека делает человеком именно рациональность.

М. Вебер в своих трудах одним из первых использовал термин «рациональность» как сущностную характеристику определённого типа целесообразной деятельности, где соотношение целей и путей их достижения допускает логическую проработку и организацию. Причём уже Вебер различает ценностную и целевую рациональность. Отсюда, наука является наиболее чистой формой рациональности, а философия рассматривается как наиболее гибкая из её теоретических форм. Но сегодня всё чаще появляются трактовки рациональности, где она не ограничивается выходом только на науку и научное мышление. В каждой сфере духовной деятельности есть своя рациональность.

Сущность рациональности определяется тем, что с её помощью реальность моделируется не в образной системе, надстраиваемой над обыденным представлением о мире, происходит своеобразное удвоение действительности на реальный мир и мир теоретический. Однако, рациональность нельзя представлять только как логически созданный, отчуждённый от реального (в системе понятий) теоретический мир. Рациональность может существовать как в обобщённо-понятийной, так и в образно-синтезирующей форме.